

этических границ, которые происходят на фоне стремительных изменений окружающего мира, в том числе технологических, литература ужасов наделяет обыденное (например, социальную сеть, как в «Комьюнити») сверхъестественными и пугающими возможностями, что не приводит к страху перед привычным в реальности, но ставит перед читателем нравственные вопросы.

Список литературы

- Кинг С.* Пляска смерти / пер. с англ. О.Э. Колесникова. – М. : АСТ, 2005. – 416 с.
Иванов А.В. Комьюнити. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.
Иванов А.В. Псоглавцы. – СПб. : Азбука, 2011. – 352 с.
Carroll N. The philosophy of horror: Or, paradoxes of the heart. – London : Routledge, 2003. – 272 p.

FEATURES OF HORROR IN ALEXEY IVANOV'S "COMMUNITY" AND "PSOGLAVCY"

The paper deals with features of horror discovered in Alexey Ivanov's "Community" and "Psoglavcy". We consider both novels to be examples of horror novels revealing used horror characteristics. Ivanov uses means of horror for highlighting social and moral issues that construct conceptual core of the novels.

Key words: features of horror; horror literature; Alexey Ivanov.

УДК 82-91.087.6

ФЭНТЕЗИ И ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СТРУКТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Н. ЩЕРБЫ «ЧАСОВОЙ КЛЮЧ»)

В.С. Максяткина

*Научный руководитель: Т.И. Хоруженко,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

В статье рассматривается жанр фэнтези в его связи с фольклорной волшебной сказкой. На примере романа Натальи Щербы «Часовой ключ» показывается, как преломляется сказочная структура при ее реализации в фэнтезийном дискурсе.

Ключевые слова: фэнтези; волшебная сказка; функции действующих лиц; жанр.

Фэнтези – относительно молодой жанр; его возникновение относят к XX веку и связывают с именами К.С. Льюиса и Дж. Толкиена [Дворак 2013: 87]. При этом многие исследователи и сами авторы сходятся во мнении, что в основе жанра фэнтези лежит его родство с волшебной сказкой. Так, Н. Перумов утверждает, что фэнтези – это «сказка. От научной фантастики этот жанр отличается отсутствием нравоучения и потуг на мессианство. От традиционной сказки – отсутствием деления на плохих и хороших. Конфликт, драматургия – от разнообразия характеров.

Каждый персонаж действует, сообразуясь с собственными понятиями о честности. И автор никого не судит, а предоставляет судить читателям... Смысл фэнтези – в полной свободе. То есть автор создает любой мир – тот, который ему создавать заблагорассудится» [Перумов: URL]. Самое общее литературоведческое определение жанра дается в словаре «Базовые понятия массовой литературы»: «жанр фантастической литературы, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов» [Черняк 2009: 149].

Соответственно, изучение фэнтези с применением инструментария, предложенного В.Я. Проппом для волшебной сказки, кажется нам уместным. По мнению исследователя, для любой волшебной сказки характерны ограниченное число «постоянных, устойчивых функций действующих лиц» и «вспомогательные элементы, служащие связующим звеном между функциями» [Пропп 2001: 22]. Действуют в волшебной сказке герой (протагонист), антагонист (вредитель), даритель, чудесный помощник и др. Герой испытывается и обязательно сталкивается с волшебством и чудесами. Основополагающим в волшебной сказке выступает мотив борьбы добра и зла [Паславская 2015: 116]. Эти элементы волшебной сказки актуализируются и в фэнтезийном дискурсе, например, в книгах Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере. Так, Я.Р. Паславская указывает на наличие элементов волшебной сказки в этом цикле [см.: Паславская 2015], а О.А. Тананыхина «раскладывает» содержание «Философского камня» по функциональной схеме, выявленной Проппом [см.: Тананыхина 2013].

Отметим, что сходство со сказкой фэнтези особенно проявляет в той своей части, которая ориентирована на подростков. Примеры отечественного фэнтези для подростков – «Дарители» Екатерины Соболев, «Зерцалия» Евгения Гаглюева [см.: Петрова 2018: 70], романы Тамары Крюковой («Узник зеркала», «Лунный рыцарь», «Волшебница с острова Гроз», «Черный альбатрос» и др.) [см.: Дворак 2013: 86]. В рамках данной статьи мы бы хотели обратить внимание на «Часодеев» Натальи Щербы, украинской писательницы. «Часодеи» представляют собой цикл из шести книг, рассказывающих о приключениях Василисы Огневой и ее друзей. Здесь мы обращаемся к первой его части – «Часовому ключу».

Часодеи в мире Н. Щербы – это чародеи, или волшебники. А часодеями, или также часовщиками, они называются потому, что колдуют с помощью времени. Мир в «Часодеях» делится на два параллельных измерения: Осталу – «наш» мир, к которому принадлежит читатель, и Эфлару – мир сказочный, «часодейный». Эфлара – эта та же планета Земля, но находящаяся в будущем. Однажды Эфларус, могущественный часодей, создал временной разрыв с помощью волшебного Алого цветка, расцветающего раз в тысячу лет и исполняющего любое желание. Так у

Земли появился двойник, который был назван в честь своего создателя, а «настоящую» Землю часовщики стали называть Осталой – как отстающую во времени. Часовщики бежали на новую планету, чтобы спастись от Духов, обладающих большим могуществом, чем часодеи, и захотевших править ими. Однако, повелевая временем, Духи, в отличие от часовщиков, не могут попасть в будущее. Но временной разрыв стремительно сокращается – Эфлара и Остала вот-вот столкнутся, и Эфларе грозит Поглощение.

Рассмотрим сюжет «Часового ключа» на предмет близости к сказке. Для этого проанализируем, представлены ли в нем характерные сказочные функции, выделенные в классической работе В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки».

«Сказка обычно начинается с некоторой исходной ситуации. Перечисляются члены семьи, или будущий герой ...просто вводится путем приведения его имени или упоминания его положения. Хотя эта ситуация не является функцией, она все же представляет собою важный морфологический элемент», – читаем у В.Я. Проппа [Пропп 2001: 26]. Эта исходная ситуация без изменений дается в первой главе романа (здесь и далее роман цитируется по изданию: [Щерба: URL]):

Миша, Миша, – покачала головой неугомонная тренер, – если так дело и дальше пойдет – можешь забыть о летнем спортивном лагере... Василиска! Покажи, как надо.

С лавки поднялась невысокая худенькая девочка с двумя темно-рыжими хвостиками и неуверенно прошла к краю площадки. Внезапно она резко выпрямилась, легко разбежалась и сделала то самое боковое сальто, а потом еще и сальто вперед.

Двенадцатилетняя Василиса Огнева занимается гимнастикой и дружит с Лешей. Главная героиня изначально представлена как почти сирота. Она живет с «якобы троюродной бабушкой по маминой линии – Мартой Михайловной. Правда, еще лет в шесть девочка случайно услышала разговор бабушки с соседкой и узнала, что та не является ее родственницей и просто присматривает за Василисой по просьбе отца. Но даже после раскрытия этой “страшной тайны” она продолжала называть свою опекуницу бабушкой и делать вид, что ни о чем не догадывается. Мама Василисы исчезла много лет назад. <...> Зато девочка точно знала, что отец ее жив и проживает за границей».

В.Я. Пропп отмечает, что сказки начинаются с отлучки одного из членов семьи [Пропп 2001: 26]. В «Часодеях» отлучается «бабушка» героини: «И вдруг Марту Михайловну хватил удар – сердце не выдержало: пропала ее любимая кошка Стрелка. Старушку отвезли в больницу, а что делать дальше с Василисой – решительно никто не знал».

Однажды, вернувшись домой из школы, Василиса застаёт там водителя своего отца, который приехал, чтобы отвезти девочку к ее семье:

«так и представился – господин Эрн, работает у господина Огнева». «Композиция фольклорной волшебной сказки строится на пространственном перемещении героя», – указывает Я.Р. Паславская [Паславская 2015: 117]. Господин Эрн, как видим, выступает здесь в качестве проводника.

Увидев свой новый дом – «шикарную двухэтажную громадину», – «Василиса подумала, что спит или попала в сказку. Но сказки не всегда бывают добрыми». Девочка оказывается в ситуации нелюбимой падчерицы: братья и сестра обижают ее, отец тоже груб с ней. Злобной мачехи у Василисы нет, но женщина, претендующая на эту роль, есть – Елена Мортинова. Она влюблена в Нортон Огнева и жаждет смерти Василисы.

Елена Мортинова, как и Нортон Огнев, впервые появляется в Предисловии. Она «пытается произвести разведку» (IV функция) [Пропп 2001: 28]: «Нортон, я хочу знать, что ты решил с фейрой?», – спрашивает Елена.

«Антагонист получает непосредственно ответ на свой вопрос» (V функция) [Пропп 2001: 29]: «У меня есть любопытный план. <...> Если задуманное осуществится, то я отдам тебе право решать ее судьбу. Но поклянись, что до моего приказа ты и пальцем ее не тронешь».

Следующая функция, которую можно выделить, – «одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо» (VIII-а) [Пропп 2001: 35]; в данном случае – волшебного средства. Василиса, подслушав разговор отца с неким Астрогором, который является Духом, узнает о недостатке: Астрогор предсказывает, что кто-то из детей Огнева должен стать обладателем Рубинового ключа. Но в данном романе недостатка касается не только семьи – речь идет о судьбе всей Эфлары: часовщикам необходимо семь «часодейных» Ключей, чтобы спасти свой мир-двойник от Поглощения Осталой – «оригиналом». Семь ключников и пять их помощников должны добраться до волшебного Алого цветка, который «доверится лишь юным душам» и исполнит «волю, высказанную семерыми ключниками».

Эрик, один из братьев Василисы, выполняет в романе функцию дарителя, осуществляя непосредственную передачу герою волшебного средства (XIV функция): он предостерегает Василису («Тебя хотят убить!») и дает ей маленькие золотые песочные часы: «Они волшебные. Подуй на них и потри ободок, когда тебе будет грозить опасность».

«После получения волшебного средства следует его применение» [Пропп 2001: 47]: Василиса испытывает часы, и они срабатывают как средство связи. Василиса знакомится с Ником – мальчиком-эфларцем. Он сообщает ей пароль, который позволит использовать часы для перемещения на Эфлару.

Василиса больше не хочет жить с отцом: «Я не хочу находиться здесь. Я убегу». Тогда он устанавливает запрет (II функция): «Я не могу тебя отпустить. <...> Видишь ли, как только ты выйдешь за ворота, тебя сразу же убьют».

Василиса вместе с братьями и сестрой проходит «испытание на часовую степень» – уровень часодейных (иначе, колдовских) способностей (XII функция). У нее оказывается высшая степень; за успешным прохождением испытания должно последовать получение волшебных средств – в данном случае это часовая стрела (заменяющая волшебную палочку), а также часолист («часодейный» аналог наших гаджетов).

Эти предметы вручают Норту: «Часовой браслет сразу же дарится тем, у кого первая степень, но вообще-то есть у всех учеников». Но Василису не «награждают», а держат в комнате в обществе двойняшек Норта и Дейлы, которые стерегут ее.

Здесь нарушается запрет на побег: Василисе удается убедить брата с сестрой ненадолго выйти из комнаты, а затем убежать, используя волшебное средство – песочные часы. Часы переносят ее на Эфлару по огненной лестнице.

Василису встречает Ник и знакомит со своим другом Фэшем.

Ник и Фэш пытаются помочь ей вернуться на Осталу, но Василису обнаруживают и отправляют в Черновод – замок ее отца. Нортон Огнев объясняет Василисе, что ее побег на Эфлару был подстроен: «Марк, чудный малец, внушил тебе, что требуется; ты поверила: дома угрожает смертельная опасность. И, умница, воспользовалась часолетом, подаренным тебе Эриком. Простодушный сынок Лазарева помог тебе переместиться, как я и предполагал. Дальше все пошло как по маслу: ты проникла с новыми друзьями в Ратушу и тебя, наконец, засекли Хватким вихрем. <...> благодаря высокой степени кое-кого я смог войти в Радосвет без особых проблем да еще устранить своего врага – Лазарева».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нарушение запрета трансформируется в пособничество (VII функция): «жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу» [Пропп 2001: 30].

Далее реализуется XI функция – «герой покидает дом» [Пропп 2001: 38]. Отправке здесь «придается характер бегства» [Пропп 2001: 38]: Ник и Фэш пробираются в Черновод и уговаривают Василису бежать с ними, чтобы вместе отправиться к феям: «Ты должна попросить у них посвящение для себя». Отец не собирается проводить для Василисы посвящение, а без него она не станет «полноправной часовщицей». Посвящение становится недостаточной, в ликвидации которой заинтересована сама Василиса. «Волевым решением, конечно, предшествует исканию» – реализуется X функция («искатель соглашается или решается

на противодействие» [Пропп 2001: 38]).

Но им не удастся уйти незамеченными: появляется вредитель, в качестве которого выступает Маришка Резникова, Хрустальная Ключница и любимая ученица Елены. Она зачасовывает Ника, и тот исчезает (VIII функция – вредительство). Фешу и Василисе помогает сбежать чудесный помощник – фея Диана, обернувшаяся русалкой. Ребята покидают замок через шлюз в бассейне с русалками.

Затем снова реализуется XIV функция («снабжение, получение волшебного средства» [Пропп 2001: 42]). В лесу Василиса встречается с феей, представившейся Клементиной, фрейлиной и советницей Белой Королевы. Но на самом деле она и есть Белая Королева, а также мать Василисы. Фея снабжает Василису волшебной иглой: «Стоит прошить три стежка, и любое, даже самое ужасное одеяние ...превратится в тот наряд, какой пожелаешь».

Следующая функция, которая проявлена в романе, – «пространственное перемещение между двумя царствами» (XV функция – «герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков») [Пропп 2001: 48]. Василиса, Диана и Фэш совершают переход в Чародол – страну фей, и уменьшаются при этом в пятнадцать раз. Они идут под видом участников в Чарованиях – «музыкальных состязаниях в замке Белой Королевы», чтобы получить Серебряный ключ для Фэша и добиться посвящения для Василисы. На посвящении у нее будет возможность загадать одно желание – «любое, но простое», и она хочет спасти Ника.

Волшебное средство применяется: Василиса использует иголку, чтобы наэферить платье для выступления на Чарованиях.

Ночью к Василисе снова приходит «Клементина», чтобы доставить Василису к месту проведения посвящения. Василиса узнает от нее, что Нику больше не нужна ее помощь: оба Лазарева в порядке благодаря Белой Королеве. «Клементина» опять выступает дарителем – вручает лепесток цветка Старочаса, который становится настоящей часовой стрелой, когда Василиса справляется с испытанием (XII функция): доплывает до скалы Луны, находящейся посередине озера, игнорируя вредителей – русалок, которые не могут к ней прикоснуться, но пытаются запугать ее и отговорить («Ведь русалки – это неудавшиеся феи»). На чудесной скале Василису встречают две феи: фея Светлого Образа Селестина и фея Темных Мыслей Мендейра. Снова реализуется XIV функция: «Так повелось еще с давних времен: юная фея получает один хороший подарок – от светлых фей, и один опасный – от темных фей, для равновесия возможностей». От Селестины Василиса получает новое, часовое имя (Василек), крылья и Рубиновый Ключ, а от Мендейры – Стальной Зубок, маленький кинжал с лезвием, украшенным самоцветами.

Фея светлых мыслей исполняет желание Василисы: Ник, не обладающий часовым даром, становится часовщиком.

Вернувшись к друзьям, Василиса узнает, что Фэш получил СреброКлюч, а Диана стала обладательницей Железного Ключа.

Ночью Василису околдовывают, и она сама возвращается в Черновод (VI функция – обман и VII – пособничество): «И вдруг цветок распался на отдельные цифры. Покружившись немного, они сложились в одну длинную полосу и вдруг обернулись буквами: *“Я одеваюсь и вылетаю во двор”*».

Вредители – Золотой ключник Марк и Норт, сводный брат Василисы, – угрожая навредить Лешке, вынуждают ее передать Рубиновый ключ Норту (VIII функция – нанесение вреда или ущерба одному из членов семьи, а именно – похищение человека, телесные повреждения, отнятие волшебного средства [Пропп 2001: 31]).

Василису и Лешку оставляют взаперти. Их освобождает Черная королева, выполняющая здесь двойную функцию: чудесного помощника и дарителя. Она рассказывает Василисе, что Стальной Зубок – это ЧерноКлюч. Она назначает Лешку смотрителем от лютов, дает ребятам волшебного помощника – малевала (т.е. единорога) Яркоголаза (малевалы умеют проникать сквозь стены). Дети отправляются в Лазорь, чтобы встать на Часовой Круг.

Когда Василиса с Лешкой появляются в Лазоре, реализуется XVI функция – «герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу» [Пропп 2001: 48]: Елена останавливает время и нападает на Василису, пытается ее убить. Василиса и Елена сражаются, используя волшебные средства – ЧерноКлюч и часовую стрелу соответственно. Победа одерживается не героем, а чудесным помощником: Василиса не справляется с могущественной часовщицей, но внезапно вмешивается отец Василисы и останавливает Елену.

Василиса встает в Круг и вставляет Черный Ключ в углубление. Так ликвидируется недостача, которой посвящена первая часть цикла (функция XIX): найдены все семь ключей, семеро ключников и пятеро наблюдателей встали в Часовой Круг, чтобы приступить к выполнению своей миссии.

Круг начинает вертеться. На этом «Часовой ключ» завершается – поиску Алого цветка посвящена вторая часть «Часодеев». Отметим, что в дальнейшем Нортон Огнев перестает исполнять функции вредителя, что отражено в следующих книгах цикла. Таким образом, Елена Мортинова выполняет в «Часовом ключе» функцию антагониста, поскольку здесь от нее исходит главная угроза для Василисы, но в масштабах всего цикла ее следует называть вредителем. «Часовой ключ» – это первый роман цикла «Часодеи», поэтому антагонист – Астрагор – в нем еще не проявлен.

Таким образом, сказочные функции действительно играют в данном романе структурообразующую роль. Они затрагивают судьбу не только героя, но и всего сказочного мира, при этом реализуются для них отдельно, лишь иногда пересекаясь. Кроме того, можно выделить следующую особенность – функции в «Часодеях» часто прерываются и могут повторяться. В итоге мы доходим только до середины в перечислении функций, потому что это цикл, а значит, завершения истории не происходит. Это характерно для массовой литературы. Принцип «сериальности», как отмечает С.И. Чупринин, «стал поистине системообразующим в произведениях, либо всецело принадлежащих к масскульту, либо выстроенных с учетом и грамотным использованием масскультовых по своему происхождению приемов и технологий» [Чупринин: URL].

Список литературы

Дворак Е.Ю. К проблеме неомифологизма детского фэнтези (на примере романов Т. Крюковой) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2013. – № 2 (2). – С. 86–89.

Паславская Я.Р. Мифологические и сказочные истоки романов Дж.К. Роулинг // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 115–118.

Перумов Н. Я люблю гномов, а они любят пиво [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/podshivka/000209.htm> (дата обращения: 19.01.2019).

Петрова С.А. Современная русская детская литература – миф или реальность? // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. – Т. 23. – 2018. – № 1. – С. 66–78.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М. : Лабиринт, 2001. – 144 с.

Тананыхина А.О. К вопросу о морфологии современной английской сказки // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Т. 7. – 2013. – № 1. – С. 91–101.

Черняк В.Д., Черняк М.А. Базовые понятия массовой литературы. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 167 с.

Чупринин С.И. Сериальное мышление в литературе, сериалы литературные, саги [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://lit.wikireading.ru/11701> (дата обращения: 14.01.2019).

Щерба Н.В. Часовой ключ // Часодеи [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://ruslit.net/preview.php?path=04240430043D04420430044104420438043A0430/0420044304410441043A04380435%20041004320442043E0440044B/04290435044004310430%20041D043004420430043B044C044F/042704300441043E043404350438/&fname=211601%20042704300441043E0432043E0439%20041A043B044E0447.txt> (дата обращения: 19.01.2019).

FANTASY AND FAIRY TALE: STRUCTURE SIMILARITIES (AS EXEMPLIFIED IN N. SCHERBA'S "THE CLOCK KEY")

The paper deals with fantasy genre. We analyze its connection with folklore fairy tale. Using the example of Natalia Scherba's "The Clock Key" we show how fairy structure is

transformed when used in fantasy discourse.

Key words: fantasy; fairy tale; functions of characters; genre.

УДК 821.161.1.09

МОТИВ ДВИЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ Е.Д. АЙПИНА «В ОЖИДАНИИ ПЕРВОГО СНЕГА»

Ю.Н. Степанова

*Научный руководитель: О.К. Лагунова,
доктор филологических наук, профессор (ТюмГУ)*

В статье впервые системно в этнофилологическом аспекте исследуется мотив движения в повести хантыйского писателя Е.Д. Айпина «В ожидании первого снега». Мотив движения рассматривается в аспекте сюжета, системы персонажей, оппозиции «свой – чужой». Анализируется роль воспоминаний, акцентирующих оппозиции там/здесь, тогда/теперь.

Ключевые слова: мотив; повесть; движение; фольклор; оппозиция; Е.Д. Айпин.

В повести Е.Д. Айпина «В ожидании первого снега» представлены два мира: свой и чужой. Свой мир – это мир, где порядок и согласие, чужой мир – буровая, поселок нефтяников, всевозможная техника, громкие раздражающие звуки, суэта. Свои – это «люди, которые находятся внутри жизненного развития», а чужие – это «те, кто вне его, решают все сходу, мыслят по верхам, слепы в видении и понимании жизни», не думают о законах природы [Белая 1983: 127]. Противостояние этих миров тесно сопряжено с мотивом движения. Повесть начинается с того, что Микуль покидает охотничьи тропы и выбирает другую дорогу: покидает родное селение, чтобы стать охотником на нефть. Здесь прослеживается связь мотива движения и мотива ухода, которая обнаруживается и в фольклоре хантов. Герои сказок всегда покидают дом с определенной целью: охота («Бабушка Сясами и внук Имихилы»), совершение подвига, защита земли («Людоедка Порнэ и Хилы») и т.д. В повести мотив движения связан и с мотивом тревоги. Жители селения не понимают выбор Микуля, тревожатся за его судьбу. Стариков беспокоит будущее народа ханты, они тревожатся, что молодые охотники начнут покидать родовые селения, забудут то, чем занимались предки: «Скоро род охотников совсем переведется: старики помрут, а молодые сбегут» [Айпин 1979: 8].

Ландшафт буровой противопоставляется ландшафту природного мира, в котором привык находиться молодой охотник. Когда Микуль попадает на буровую, он видит вышку, дизели, железные трубы, металлические сооружения: «Вышка четырьмя железными ногами, уходящими под деревянный “пол”, вросла в землю» [Айпин 1979: 15].